Культура. – 2002. – 31 окт. – 5 нояб. – с. 11

Ван Клиберн – американский гонец нашей весны

Фото из журнала "Вэнити Фэйр"

Ван Клиберн

Говорят, что известный американский пианист Ван Клиберн уже сто лет как ничего не делает, то есть не выпускает дисков, не дает интервью, не появляется на публике. В последнее время действительно мало занимается концертной деятельностью (известно лишь, что придуманный им конкурс в Форд-Уэрте пользуется среди профессионалов и начинающих музыкантов авторитетом и популярностью). Сам музыкант признается, что он вообще человек не светский, поэтому не жалует тусовки и прочие суаре. А вот что касается интервью, которые он тоже не очень любит давать, то в последнее время как минимум пять известных газет (среди них несколько центральных парижских и лондонских изданий) вдруг вспомнили про музыканта и обратились к нему с вопросом: "Где вы, господин Клиберн?" И Ван Клиберн ответил: "Я здесь, господа. Я занимаюсь музыкой. И не очень люблю рассуждать вслух".

Ван Клиберн не стал выдающимся музыкантом современности. Он просто очень хороший, очень мастеровитый и, как принято говорить, очень "крепкий" музыкант. "Я, к сожалению, не сумел воплотить в своем творчестве тот дух гениальности, что удалось обрести в далеком 58-м году на московском Конкурсе Чайковского. Я был гениальным в течение получаса. Тридцать минут чувствовал нимб вокруг своей головы... Следующие годы жизни и работы я все еще чувствую это сияние, и оно вдохновляет меня... Неважно, что я не стал великим мастером. Мне хватило одного мига. Если бы вы пережили похожее, поняли бы: словами тут не обойдешься. Да я, повторяю, вообще плохо с ними обхожусь".

В то жаркое лето 58-го года Ван Клиберн был для Советского Союза прежде всего американским гражданином и, следовательно, наши симпатии к молодому музыканту могли быть весьма сдержанными. А он вдруг взял и ... вышел победителем в музыкальном марафоне, да еще во времена холодной войны. Единогласно! Конечно, Клиберн выступил вдохновенно (профессионалы, обсудив игру молодого американца, сочли ее превосходной). Но было в юношеской игре что-то еще. Что-то внемузыкальное. Внематериальное. Очень высокое, отчего взревел переполненный зал, увешанный портретами великих. Будто бы сидящий за роялем чужестранец (совсем чужеродный нам!) и мы (чужеродные ему!) разом почувствовали: что-то не сложилось у нас у всех в то погожее летнее утро. Такая игра не делила на расы, на государства. И всем предрассудкам стоило дать пинка, как придуманным. И не было в зале, в стране, да и на всем свете ни наших, ни ваших. Ни Хрущева, ни Эйзенхауэра. Ни черта лысого... Летнее утро 58-го года было, похоже, первым утром весны и оттепели. "Так получилось, – говорит Ван Клиберн, – что я оказался в нужном месте в нужное время. Я, американец, стал гонцом российской оттепели. Я думаю, за выслугу лет мне неплохо бы получить от них какую-нибудь премию мира".

Лиза РОЛСОН

Клиберн Ван

5.11.02